

БАТЮШКОВ И ТАССО:
ВОСПРИЯТИЕ ИТАЛЬЯНСКОГО ПОЭТА В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ

Анна Топорова

Может показаться странным, что два столь непохожие, на первый взгляд, поэта, разделенные почти двумя столетиями и тысячами километров, принадлежащие к разным культурам, имеют столь много общего, как Тассо и Батюшков.

Правда, Италия всегда воспринималась в русской культурной традиции как идеальная страна, земной рай, а итальянский как язык, созданный для поэзии, язык поэзии по преимуществу. Этому способствовали также различия в климате, темпераменте, национальном характере (интравертном и часто противоречивом русском и легком, живом и экстравертном итальянском), равно как и в культурном развитии: русская светская культура достигла расцвета на несколько столетий позже, чем итальянская, и ее эволюция была совсем иной. В русской культуре последовательно создавался итальянский миф (и Батюшков был одним из первых, кто положил начало его созданию и кто закрепил в литературе поэтический образ Италии), долгое время господствовавший в умах и сердцах поэтов и художников, не до конца утративший свою силу и в настоящее время.

Среди итальянских поэтов особое внимание образованных русских привлекали фигуры Данте, Петрарки, Ариосто и Тассо. В XVIII веке, когда в царствование Екатерины II появилась возможность основательно познакомиться с европейской культурой, интерес к итальянской литературе в целом и к жизни и творчеству Тассо в частности, испытал свой первый взлет. Для русской поэзии в этот момент речь шла о выработке собственного эпического стиля и о создании национальной эпопеи. "Освобожденный Иерусалим" воспринимался как пример стиля и источник тем и образов, подходящих для эпического произведения. Тредиаковский в своем трактате "Новый и краткий способ к сложению российских стихов" (1735) упоминает Тассо в ряду "наисла-

внейших” эпических поэтов, “которым надлежит подражать”. Высоко ценили Тассо и Феофан Прокопович, Сумароков, Херасков. “Освобожденный Иерусалим” занимал почетное место в теоретических рассуждениях об эпической поэме.

Во второй половине века появляются первые переводы “Освобожденного Иерусалима” на русский язык (они делались с французского), так в 1772 г. в Санкт-Петербурге выходит “Освобожденный Иерусалим, ироническая поэма, италийского стихотворца Тасса, переведена с французскаго Михайлом Поповым”. Этот перевод был выполнен в прозе, чтобы, как объяснял в предисловии переводчик, “верно, ясно и чисто” выразить мысли автора. В числе достоинств тассовской поэмы Попов называл великолепие, любовь и нежность, которые царствуют повсюду. Надо отметить, что для поэм, переводившихся в это время на русский язык было характерно сочетание дидактизма и чувствительности, свойств, присущих и произведению Тассо.¹ Пользовались успехом и переложения тассовской поэмы, в 1799 г. Г. Н. Городничин переводит с французского Меню де Шоморсо “Ренальд, героическая поэма, подражание Тассу”. В театрах ставили балеты и оперы по мотивам “Освобожденного Иерусалима”.²

Начало XIX в. отмечено новым пиком внимания к итальянскому поэту, что на этот раз связано с предромантическими тенденциями в литературе. Теперь особый интерес вызывает не столько творчество Тассо, сколько его судьба (отметим также внимание к итальянской октаве и способам ее ассимиляции русской поэзией). Фигура поэта, преследуемого властью имущими, заключенного в тюрьму и объявленного сумасшедшим, несчастного и одинокого скитальца, никем не понятого, под пером романтиков приобретает черты символа поэта вообще. Образ Тассо появляется в произведениях многих как европейских, так и русских писателей (к примеру, у мадам де Сталь, Ламартина, Шатобриана, Байрона, в стихах Веневитинова, Баратынского, Плетнева, Вяземского; ср. также переводы из “Освобожденного Иерусалима” Раича и Мерзлякова).³

---

¹ См. История русской переводной художественной литературы. Древняя Русь. XVIII в. Т. II. Драматургия. Поэзия. Спб. 1996. Под ред. Ю. Д. Левина, с. 138.

² См.: Горохова Р. М. Торквато Тассо в России XVIII века (Материалы к истории восприятия) // Россия и Запад. Из истории литературных отношений. Ленинград, Наука, 1973, с. 105-163.

³ См.: Горохова Р. М. Образ Тассо в русской романтической литературе

Но и на этом фоне отношение Батюшкова к Италии и к Тассо представляется особым и нетривиальным. Это глубоко личное отношение: русский поэт считает Италию своей духовной родиной (по воспоминаниям очевидцев, уже больной Батюшков произнес как-то с выражением глубокой тоски на лице: “O patria di Dante, patria d’Ariosto, patria del Tasso! O, cara patria mia! Son pittore anch’io!”⁴) и остро чувствует свою внутреннюю близость с Тассо. Хорошо известно горячее желание Батюшкова отправиться в Италию, его восхищение перед этой страной и ее языком, ср. начало его статьи “Ариост и Тасс”: “Учение итальянского языка имеет особенную прелесть. Язык гибкий, звучный, сладостный, язык, воспитанный под счастливым небом Рима, Неаполя и Сицилии, среди бурь политических и потом при блестящем дворе Медичисов, язык, образованный великими писателями, лучшими поэтами, мужами учеными, политиками глубокомысленными, — этот язык сделался способным принимать все виды и все формы”. А в письме к Гнедичу от 5 декабря 1811 г. Батюшков делает нелестное для русского языка сравнение его с итальянским: “Отгадайте, на что я начинаю сердиться? На что? На русский язык и на наших писателей, которые с ним немилосердно поступают. И язык-то по себе плоховат, грубенец, пахнет тарабарщиной. Что за ы? Что за щ? Что за ш, ший, щий, при, тры? О варвары! А писатели? Но бог с ними! Извини, что я сержусь на русский народ и на его наречие. Я сию минуту читал Ариоста, дышал чистым воздухом Флоренции, наслаждался музыкальными звуками авзонийского языка и говорил с тенями Данта, Тасса и сладостного Петрарка, из уст которого, что слово, то блаженство”.⁵

Годы, проведенные в Италии (1818-1821) на дипломатической службе, были, вероятно, самыми счастливыми в его жизни, хотя он и жаловался на то, что его упрекают за сочинительство стихов в ущерб исполнению ежедневных обязанностей. По крайней мере, это были последние годы перед тем, как тяжелая психическая болезнь, окончательно погрузила поэта во мрак на тридцать пять лет — до конца жизни (хотя первые симптомы появились раньше, еще в России, и порой

// От романтизма к реализму. Из истории международных связей русской литературы. Ленинград, Наука, 1977, с. 117-188.

⁴ См.: Новиков Н. Н. Батюшков под гнетом душевной болезни. Историко-литературный очерк [2ая пол. XIX в.]. Авторизованная копия. Л., РНБ, фонд Новиков Н. Н. 523, ед. хр. 527. Лист 228.

⁵ Письма Батюшкова цитируются по изданию: Сочинения К. Н. Батюшкова. Статья Л. Н. Майкова. СПб. 1886. Т. III.

давали себя знать и в Италии; ср. немотивированный яростный выпад против Плетнева, крайне беспокоивший друзей Батюшкова). Но и в его безумии итальянские образы не оставляли Батюшкова, напротив, весьма часто возникали в его возмущенном сознании.

Говоря о связях между Батюшковым и Тассо,⁶ необходимо иметь в виду три аспекта этой проблемы: сочинения Батюшкова, непосредственно посвященные Тассо; параллели в их жизни; общие для их произведений темы, мотивы, образы, порой даже особенности поэтического стиля. Нельзя сказать, что Батюшков написал много о Тассо. Помимо многочисленных упоминаний Тассо в письмах, ему принадлежат поэтическая эпистола “Тассу” (1808), историческая элегия “Умирающий Тасс” (1817), статья “Ариост и Тасс”, а также перевод нескольких октав из “Освобожденного Иерусалима” (34-41 из первой песни и 12-34 из восемнадцатой песни) и прозаический перевод эпизода из второй песни, озаглавленного Батюшковым “Олинд и Софрония”.⁷ В поэти-

---

⁶ Об отношении Батюшкова к Италии и к Тассо написано немало как — прежде всего — в России, так и в Италии; все, кто обращался к творчеству Батюшкова, неизбежно писали и об этом. Поэтому помимо уже цитированных обстоятельных статей Гороховой отметим лишь книгу: Фридман Н. В. Поэзия Батюшкова. Москва, Наука, 1971, и статью И. М. Семенко в издании: Батюшков К. Н. Опыты в стихах и прозе. Москва, Наука, 1977; а также статьи Пильщикова, наиболее подробная из которых последняя — И. А. Пильщиков, Из истории русско-итальянских литературных связей: (Батюшков и Тассо), *Philologica* 4 (1997), с. 7-80; среди итальянских исследований следует упомянуть работы Варезе: М. F. Varese, *Il Tasso nella poesia e nella critica di uno scrittore russo dell'Ottocento: K. N. Batjuškov*. Bergamo, 1969; Idem. *Batjuškov, un poeta tra Russia e Italia*. Padova, 1970 (Ср. также: Г. Levi-Minzi, *La morte del Tasso in un poemetto russo*, “Fanfulla della domenica” XXXII (1910), n. 11; N. Contieri, *Batjuškov e il Petrarca*, *Annali dell'Istituto Universitario Orientale di Napoli. Sezione slava*, II. 1959). Во всех известных нам работах на эту тему, акцент делается на литературных отношениях и аспектах, в нашей статье предпринята попытка анализа глубинных биографических и личностных связей, определяющих и все остальные точки соприкосновения Батюшкова и Тассо.

⁷ Батюшкову принадлежит также ряд более или менее точных стихотворных переводов с итальянского: Касты (“A Fille. L'avverte accid non giudichi secondo le aparenze” — “Счастливец”), Петрарки (“Rotta l'alta colonna e il verde lauro” — “На смерть Лауры”; отдельные стихи из канцоны “Nella stagion, che 'l ciel rapido inchina” — “Вечер”), Ариосто (42ая строфа из I песни — “Подражание Ариосту” — и отрывок из XXXIV песни “Неистового

ческих сочинениях Батюшкова фигура Тассо предстает такой, как она понималась русской предромантической культурой и самим Батюшковым (в статье же довольно описательно разбирается “Освобожденный Иерусалим”). Оба эти стихотворения, особенно “Умирающий Тасс”, пользовались огромной популярностью, заучивались наизусть и цитировались многими последующими поколениями. И сам Батюшков придавал “Умирающему Тассу” особое значение и считал его своим творческим успехом. В письмах к Гнедичу и Вяземскому он неоднократно пишет об этом стихотворении, заботится о его издании. Ср. из писем к Вяземскому: “недавно начал элегию Умирающий Тасс. Кажется мне, лучшее мое произведение” (от 4 марта 1817 г.); “Скажи мне, каков Тасс мой? Я им доволен; доволен ли ты?” (от 23 июня 1817 г.); или к Гнедичу: “Я начал Смерть Тасса... Постараюсь кончить до своей смерти. И сюжет, и все - мое. Собственная простота” (от 27 февраля 1817 г.); “Что скажешь о Тассе? Утешь меня: похвали его” (от мая 1817 г.). Если эпистола “К Тассу” не отличается от романтических схем, рисовавших несчастного, преследуемого поэта, всегда находящегося в конфликте с обществом, то в “Умирающем Тассе” Батюшков примеряет к себе судьбу итальянского поэта, подчеркивает свою сущностную близость ему.

Основной мотив этой элегии — трагическое прерывание незаконченного пути, конец на пороге вожденной славы, заслуженного триумфа: Тассо, наконец-то дождавшийся признания его поэтических заслуг, умирает накануне увенчания его лавровым венком на Капитолии. Единственное, что дарует ему напоследок судьба, это созерцать приготовления к этому празднеству:

И умирающий, казалось, хотел
У паркн взять триумфа день единой.
Он взором все искал Капитолийских стен,
С усилием еще приподнимался;
Но, мукой страшную кончины изнурен,
Недвижимый на ложе оставался.

Орlando”), анонимных авторов («К Мальвине» и «Рыдайте, амуры и нежные грации», последнее иногда приписывают Метастазию, а на самом деле это перевод из *Endecasillabi. V. “Piangete, o Grazie, piangete, o Amori”* Паоло Ролли, см. S. Garzonio, *La poesia italiana in Russia. Materiali bibliografici*, Firenze 1984, p. 68).

Для Батюшкова это не просто романтический мотив ранней смерти поэта, а предчувствие собственной трагической судьбы. Ср. слова, сказанные поэтом Вяземскому в один из редких моментов просветления: “Что говорить о стихах моих!... Я похож на человека, который не дошел до цели своей, а нес он на голове красивый сосуд, чем-то наполненный. Сосуд сорвался с головы, упал и разбился вдребезги. Поди узнай теперь, что в нем было!”⁸ Батюшков чувствовал это сходство собственной судьбы и судьбы Тассо, точнее, труднообъяснимое притяжение личности итальянского поэта.

Удивительным образом в биографиях Тассо и Батюшкова можно найти целый ряд существенных параллелей. Оба поэта жили в нестабильные эпохи, богатые переменами и противоречиями, служившими отнюдь не лучшим фоном для их хрупкой психики (над обеими тяготела угроза наследственной психической болезни). Политические, социальные и религиозные пертурбации эпохи Контрреформации оказали существенное влияние на менталитет Тассо, на его творчество и повседневную жизнь. Весьма характерно, что во время первого приступа безумия (11 марта 1579 г.) Тассо обрушился на герцога Альфонсо д’Эсте с обвинениями в ереси. А по выходе “Освобожденного Иерусалима” больной поэт сам больше всего боялся упреков в неортодоксальности своей поэмы, в результате чего и занялся ее “переделкой”: “Завоеванный Иерусалим”, утративший значительную часть той поэтической силы и яркости, которой отличался “Освобожденный Иерусалим”, в большей степени соответствовал требованиям контрреформаторской морали.

Батюшков участвовал в прусском походе, войне со Швецией, Лейпцигской битве и осаде Парижа; события французского похода оставили в его душе “совершенную пустоту”, как он писал Вяземскому (27 августа 1814 г.), был современником декабристов и, по предположениям некоторых исследователей, испытывал к ним симпатию.⁹

Оба поэта рано остались сиротами и испытали чувство незащищенности и бесприютности, должны были оставить место, где они жили. Отец Тассо бежит из Сорренто, спасаясь от преследования испанских властей, когда его сыну всего три года. Лишь через несколько лет

---

⁸ Вяземский П. А. Полное собрание сочинений. Т. 8. Спб. 1883, с. 481.

⁹ Батюшков К. И. Полное собрание стихотворений. Вступительная статья, подготовка текста и примечания Н. В. Фрийдмана. Москва- Ленинград, Советский писатель, 1964, с. 40.

после этого Тассо приедет к отцу, затем будет скитаться по разным городам, а в возрасте 21 года поступит на нелегкую службу к д'Эсте. Батюшков лишается матери в возрасте восьми лет, а строго говоря, еще раньше, так как психическая болезнь, которой она страдала, за-долго до смерти отделила ее от окружающего мира. Он учится в разных пансионах в Петербурге, позже живет в доме своего двоюродного дяди, писателя и просветителя М. Н. Муравьева, который, кстати, и привил своему племяннику любовь к Италии и которому Батюшков чувствовал себя глубоко обязанным (отметим в скобках, что Муравьев перевел третью октаву из первой песни "Освобожденного Иерусалима" и не раз упоминал в своих сочинениях имя "сияющего и несчастного Тасса", как он назвал его в "Эмилиевых письмах").

И Тассо и Батюшкову их материальное положение доставляло немалые страдания. Письма Тассо к герцогу Альфонсо полны просьб о подарках — он просит серебряный кубок, перстень, плащ, коня. Батюшков должен поступить на службу в Министерство образования (в канцелярию Муравьева), он жалуется на безденежье, его угнетает его зависимость от окружающих.

Личную жизнь обоих поэтов также нельзя назвать удавшейся. Любовь Тассо к Лукреции Бендидио и Лауре Пепераре (и, вероятно, к Элеоноре д'Эсте, если она действительно имела место) не была счастливой. Батюшков тяжело переживает отказ Анны Фурман, на которой он намеревался жениться (результатом этого был серьезный нервный кризис).

И Тассо и Батюшков чувствовали себя уязвленными в их достоинстве поэта, пытались защитить свою творческую свободу. Положение придворного поэта причиняет Тассо страдания, он не может освоиться с этой ролью: с одной стороны, он очень зависим от общественного мнения, с другой, глубоко возмущен тем, что его используют люди, не способные понять и оценить его поэтическое вдохновение. Батюшков испытывает сходные чувства, он жалуется на суетность, равнодушие к дарованию и уму, часто говорит о независимости и свободе как о великом благе.

Оба поэта придают своим сочинениям огромное значение, но в то же время сомневаются в ценности того, что выходит из-под их пера. Тассо, написавший слова, полные достоинства и гордости: "Non muoio volentieri; ma per niuna cosa più desidero di vivere che per finire il mio poema... s'altri vuol donarmi la vita perch'io cedendo agli emuli ed a' nemici miei la pal-

ma, mi chiami vinto non sol ne la ragione de le opinioni, ma anche ne lo scrivere, può ritenersi il dono, ché io non gliel chiedo” (письмо 162),¹⁰ очень беспокоится о своей уже завершённой поэме, посылает ее разным людям, чтобы узнать их мнение, и болезненно реагирует на него (ср. из письма 47: “Non so se V. S. abbia notato un’imperfezione del mio stile. L’imperfezione è questa: ch’io troppo spesso uso il parlar disgiunto...”).

Батюшков тоже страстно желает славы, и его также охватывает сомнение в ценности его основного произведения “Опыты в стихах и прозе” и в возможности успеха. В одном из писем (июнь 1817) к Жуковскому он пишет: “Что скажешь о моей прозе? С ужасом делаю этот вопрос. Зачем я вздумал это печатать. Чувствую, знаю, что много дряни; самые стихи, которые мне стоили много, меня мучат. Но могло ли быть лучше? Какую жизнь я вел для стихов! Три войны, все на коне и в мире на большой дороге. Спрашиваю себя: в такой бурной, непостоянной жизни можно ли написать что-нибудь совершенное? Совесть отвечает: нет. Так зачем же печатать? Беда, конечно, не велика: побранят и забудут. Но эта мысль для меня убийственна, ибо я люблю славу и желал бы заслужить ее, вырвать из рук фортуны не великую славу, нет, а ту маленькую, которую доставляют нам и безделки, когда они совершенны”. Та же болезненная тревога сквозит и в его письмах Вяземскому и Гнедичу, последнего Батюшков просит как можно строже и безжалостнее отбирать его стихи для этого издания и наотрез отказывается поместить свой портрет (письмо от второй половины февраля 1817 г.).

Возможно, эту внутреннюю неуверенность можно рассматривать как признак еще латентной, но уже готовой проявиться душевной болезни. Похоже, что и болезнь обоих поэтов одной природы. В ее основе безудержное воображение, рисующее одностороннюю картину мира, не уравновешенную положительными впечатлениями бытия, смещающее акценты, создающее подозрения, призраки, видения. Тассо в моменты просветления отдавал себе в этом отчет: “La malinconia non diminuisce: l’immaginazione è perturbatissima” (письмо 104). А что касается Батюшкова, то до нас дошли отзывы врача, лечившего его в Зонненштейне (в Саксонии), и записи людей, сопровождавших больного поэта.¹¹ Это рассуждения о происхождении и природе его болезни, опи-

¹⁰ Письма Тассо цитируются по изданию: T. Tasso, Epistolario, con pref. di S. Slataper, Lanciano 1912.

¹¹ Новиков Н. Н. Цит. соч.

сание его поведения, а также этапов развития недуга. Согласно этим наблюдениям, именно сверх меры развившееся воображение пробудило страшную наследственную болезнь. Ее сущность заключалась в необузданной игре фантазии, подавлявшей все прочие душевные силы, создававшей своеобразный сон наяву. Действительно, Батюшков постоянно воображал себя кем-то. Порой он видел себя Тассо (которого он считал святым), а одного из слуг сыном Тассо; тогда он говорил по-итальянски и громким голосом декламировал отрывки из “Освобожденного Иерусалима”. Как видно, болезнь не уменьшила его восхищения итальянским поэтом, напротив, оно стало более глубоким, исходящим из подсознания и приобрело трагический оттенок.

Эта особенность болезни Батюшкова отмечена Вяземским в стихотворении “Зонненштейн”:

Он в мире внутреннем ночных видений
Жил взаперти, как узник средь тюрьмы,
И был он мертв для внешних впечатлений,
И Божий мир ему был царством тьмы».

Во время болезни оба поэта испытывали приступы ярости (Батюшков в более сильной степени; по отзывам окружающих его людей, он был чудовищем и неповинным мучеником одновременно), беспокойства и отчаяния, а также моменты религиозного экстаза. Всегда им свойственная религиозная восприимчивость (окрашенная чаще всего в мрачные тона), во время болезни значительно возросла. Ср. слова Тассо: “Ma ora la mia infelicità ha stabilito la mia fede” (письмо 456). В госпитале Св. Анны у Тассо были видения: “E fra tanti terrori e tanti dolori, m’apparve in aria l’immagine de la gloriosa Vergine, co’l Figlio in braccio, in un mezzo cerchio di colori e di vapori: laonde io non debbo disperare la sua grazia” (письмо 456). Больной Батюшков говорил, что его очень мучает Сатана, и вместе с тем он мог благоговейно рисовать Распятие, Богородицу, архангела Михаила.

Эти психологические и психические особенности, характерные для двух поэтов, объясняют сходство некоторых важных тем и мотивов в их поэтическом творчестве. Оба они болезненно переживают конфликт между идеалом и реальностью, между воображаемым миром, исполненным гармонии и красоты, и миром реальным, несущим скорбь и разочарование. В “Освобожденном Иерусалиме” повествовательная линия, связанная с Армидой, отражает это стремление Тассо к идеалу, который однако очень скоро оказывается ложным. Чудесный сад прекрасной волшебницы описан удивительно поэтически: здесь Ри-

нальдо проводит блаженные дни в объятьях Армиды, здесь он чувствует себя счастливым; похоже, что и сам Тассо отдается наслаждению этого вымышленного райского уголка.

Батюшков же находил свой идеал в античности. В его стихах античность полна радости, счастья, любви, красоты и гармонии, т. е. всего того, чего так недоставало в современной поэту действительности. Эта утопия не перестает преследовать воображение поэта. Здесь стоит отметить одну особенность поэтического стиля, также объединяющую этих двух поэтов: наглядность, даже некоторую театральность изображаемого. Мир мечты представлен зримо, осязаемо, пластично. У Тассо это свойство нередко связывали с влиянием приближающегося барокко, представляющего жизнь как театральные подмостки. Но думается, здесь сыграло роль и предельно развитое воображение и болезненная склонность к видениям у итальянского поэта. А о стихах Батюшкова Белинский заметил, что они не только «слышимы уху, но и видимы глазу».¹²

Заметим также, что Батюшков, подобно Тассо, испытывал тягу к эпическому стилю. Хорошо известно его восхищение «Освобожденным Иерусалимом», ср. из писем Гнедичу: «скажу мимоходом, что Иерусалим — сокровище: чем более читаешь, тем более новых красот, которые исчезают во всех переводах» (6 сентября 1809 г.) или: «Вообрази себе меня едущего на рыжаке по чистым полям, и я счастливее всех королей, ибо дорогою читаю Тасса или что подобное. Случалось, что раскричишься и с словом: «О доблесть дивная, о подвиги геройски!» прямо на бок и с лошади долой. Но это не беда!» (19 марта 1807 г.). Во время шведского похода он просит Оленина (письмо от 19 марта 1807 г.) приказать купить себе Тассо, которого он потерял. Принадлежавший Батюшкову экземпляр «Освобожденного Иерусалима» испещрен заметками, свидетельствующими о его преклонении перед гением Тассо и о его пристальном внимании к эпическому началу в поэме (Батюшков отмечает переключки с Гомером, Вергилием, Данте). А в письме к А. И. Тургеневу (10 сентября 1818 г.) Батюшков рассуждает о несоответствии истории Армиды эпическому замыслу: «И какое место в Тассе чудесное! Здесь-то Тасс именно велик слогом, ибо Армида его не достойна эпопеи: кокетка, развратная прелестница, но слог, ее у к у т а в ш и й, дает ей прелесть неизъяснимую».

---

¹² Белинский В. Г. Полное собрание сочинений. Т. VII. Москва, изд-во АН СССР, 1965, с. 224.

И Тассо и Батюшков знают, что мир фантазии призрачен, что мечта обречена рассеяться. Так, пробуждение Ринальдо чрезвычайно болезненно: лишь после жестокой внутренней борьбы ему удается отказаться от сладостного обмана. И другие персонажи “Освобожденного Иерусалима” испытывают горькое разочарование, их самому сильному желанию никогда не суждено исполниться:¹³ любовь Ринальдо и Армиды кончается трагическим расставанием; Танкредо обнаруживает в смертельно раненом им враге страстно любимую им Клоринду, которую он так долго пытался найти; Эрминия не находит отклика на свое чувство к Танкредо; преждевременно погибает Звено; Солиману не удается вернуть себе свое царство; терпит поражение и другой язычник, Аргант.

В стихах Батюшкова нередок мотив непостоянства счастья, его скоротечности. Его лирический герой познал хрупкость мечты, суетность и тщетность всего окружающего:

Скажи, мудрец молодой, что прочно на земли?
Где постоянно жизни счастье?
Мы область призраков обманчивых прошли;
Мы пили чашу сладострастья:

Но где минутный шум веселья и пиров?
В вине потопленные чаши?
Где мудрость светская сияющих умов?
Где твой Фалерн и розы наши?

Где дом твой, счастья дом?... Он в буре бед исчез
И место поросло крапивой “К другу”.

Такое сознание вызывает острое чувство одиночества, трагическое мироощущение. Одиночество угнетает Тассо, и он стремится избавиться от него, передав его своим героям. Почти все персонажи “Освобожденного Иерусалима” одиноки, они глубоко переживают это состояние и страдают от него. Тем более, что преодолеть такое одиночество невозможно, поскольку оно не внешнее и не поверхностное, а глубинное, метафизическое, связанное с неизбежностью смерти.¹⁴

¹³ G. Getto, *Nel mondo della “Gerusalemme”*. Roma, Bonacci editore, 1977.

¹⁴ См. G. Getto, *Malinconia di Torquato Tasso*. Napoli, Liguori editore, 1979.

С этим связано глубоко пессимистическое видение человеческой судьбы у Тассо и Батюшкова. Узник госпиталя св. Анны, на собственном опыте познавший преходящий характер земных благ, Тассо тщетно пытается примириться со своим состоянием: “*Infelicissimo stato, o ascoltatori, è lo stato della vita umana. Un sereno instabile e dubbioso sono li favori fattici da la fortuna o da natura; poca nebbia ce gl'ingombra. Va d'intorno il tempo inesorabile rotando l'avidо ferro della sua voracità aguzzato a la rigida cote dell'immutabilità de' fati; e recide nel mezzo le gioie e le speranze degli uomini... Ma non sono io già concorde nella sentenza con quello che loda la morte come fine d'oscura prigionе, come porto delle miserie, come tramontana de' naufragii di questo mondo. Dura legge è questa, o ascoltatori, del morire: legge crudele, legge spietatissima*”.¹⁵

Весьма сходную безрадостную картину человеческой жизни рисует Батюшков в стихотворении “Изречение Мельхиседека”:

Рабом родится человек,
 Рабом в могилу ляжет,
 И смерть ему едва ли скажет,
 Зачем он шел долиной чудной слез,
 Страдал, рыдал, терпел, исчез.

Отсюда возникает особая восприимчивость по отношению к проблеме время-вечность, свойственная обоим поэтам. В основе поэмы Тассо лежит болезненное противоречие между преходящей красотой и наслаждениями этого мира и вечными небесными благами. Острое ощущение времени, быстрого и прожорливого, создает атмосферу глубокой меланхолии в “Освобожденном Иерусалиме”.¹⁶ В истории любви Ринальдо забытие в волшебном саду Армиды предлагается как одно из возможных решений этой проблемы, но в соответствии с замыслом героической поэмы побеждает память и вновь возвращает нас к трагической оппозиции времени и вечности.

Мотив ушедшего времени, памяти, которая единственная способна сохранить прошлое, один из основных в лирике Батюшкова (ср. “Мой гений”, “На руинах замка в Швеции”, “Тень друга”, “Последняя весна” и др.). Здесь личное восприятие Батюшкова, болезненно ощущавшего скоротечность времени, с которым он не сумел справиться, накладыва-

¹⁵ T. Tasso, *Le prose diverse*, a cura di C. Guasti. Firenze 1875, v. II, p. 55.

¹⁶ См. G. Scianatico, *L'arme pietose. Studio sulla “Gerusalemme liberata”*. Venezia, Marsilio, 1990.

вается на характерные для сентиментализма и романтизма в целом установки. Известно, что больной Батюшков брал иногда часы, смотрел на них и спрашивал: “Что такое часы?” и отвечал с насмешкой: “Вечность”. Этот эпизод нашел отражение у Мандельштама:

Нет, не луна, а светлый циферблат
Сияет мне, и чем я виноват,
Что слабых звезд я осязаю млечность?

И Батюшкова мне противна спесь.
“Который час?” — его спросили здесь,
А он ответил любопытным: “вечность”.

Сопоставление Батюшкова и Тассо позволяет сделать вывод о их типологическом родстве, корнящемся в психо-ментальных особенностях обоих поэтов, и о их глубокой личной связи. Очевидно, что фигура Тассо сыграла роковую роль в жизни Батюшкова и в некотором смысле обусловила, предопределила ее трагическое течение. Речь идет не о случайных совпадениях в характере и судьбе, а скорее о подражании, пусть невольном и подсознательном, о столь глубоком восприятии личности другого, что становится трудно отделить “я” от “другой”. В русской культурной традиции фигура Тассо остается прочно связанной с Батюшковым. Более того, можно сказать, что образ итальянского поэта воспринимается на фоне того восхищения, которое испытывал по отношению к нему Батюшков.

